

*Севастьянов С.В.
Sevast'yanov S.V.*

Роль новых российских инфраструктурных проектов в обеспечении энергетической безопасности Северо-Восточной Азии

**The role of the new Russian infrastructure development projects in supporting
Northeast Asia's energy security**

В XXI веке центр мировой экономической и политической активности всё больше смещается в Азиатско-Тихоокеанский регион, где особую значимость имеет Северо-Восточная Азия (СВА), в которой сходятся интересы таких ведущих современных мировых держав, как Китай, Россия, Япония, США и других. При этом страны СВА (в – первую очередь, Китай, Япония, РК) являются крупнейшими мировыми потребителями энергетических ресурсов, без стабильного доступа к которым невозможно дальнейшее опережающее экономическое развитие этого региона.

В этой связи во вступительной части статьи необходимо прояснить два базовых понятия: что представляет собой Северо-Восточная Азия (СВА) как регион, и что подразумевается под региональной энергетической безопасностью.

Автор разделяет классическую российскую академическую позицию, в соответствии с которой в СВА входят: КНР, Япония, РК, КНДР, Монголия и Дальний Восток России. В то же время, в силу различий геополитических интересов и рассматриваемых аспектов межгосударственного взаимодействия, границы Северо-Восточной Азии, как и многих других регионов, подвижны. Так, обсуждая энергетическую проблематику, эксперты обычно расширяют российскую компоненту за счёт подключения Восточной Сибири (то есть речь, по сути, идёт о Тихоокеанской России).

Из стран СВА наиболее значимую роль в энергетике играют четыре: Китай, Россия, Япония и РК. На периферии региональной энергетической проблематике продолжает оставаться Монголия (под давлением Пекина Москва согласилась исключить территорию Монголию при прокладке нефтепроводов и газопроводов из России в Китай) и до недавнего времени находилась КНДР. Однако в отношении последней наметились позитивные изменения, что особенно важно, так как нерешённость проблем безопасности на Корейском полуострове блокирует практическое выполнение много лет обсуждаемых международных проектов прокладки через её территорию газопроводов, высоковольтных энергетических линий и других объектов инфраструктуры, что препятствует реализации РФ своих интересов в СВА [6].

Наконец, в региональном энергетическом уравнении есть и внешние игроки. В этом качестве традиционно выступают США, а с недавнего времени к ним следует добавлять Индию, проявляющую серьёзный интерес к энергетическим ресурсам региона. Теперь о понятии энерге-

СЕВАСТЬЯНОВ Сергей Витальевич, д.полит. н., профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** ssevastyanov@hotmail.com

тической безопасности СВА. Под ним подразумевается возможность обеспечения в страны региона стабильных, долгосрочных, обоснованных по ценам и достаточных по объёмам поставок энергетических ресурсов. Реализация этого условия является ключевой предпосылкой для того, чтобы современная СВА продолжила экономический рост, по темпам которого она опережает другие регионы мира. И наоборот, недостаток ресурсов затормозит социально-экономическое развитие региона и сформирует у стран чувство энергетической уязвимости, способное вызвать нездоровую конкуренцию за ресурсы и усиление политической напряжённости, что, в свою очередь, препятствует налаживанию многостороннего сотрудничества в энергетической сфере.

В этом контексте очень важную роль играет Россия – единственная страна СВА, обладающая большими объёмами разнообразных энергетических ресурсов, достаточных для удовлетворения значительной части энергетического импорта остальных стран региона. Выступая в роли крупного и надёжного поставщика энергетических ресурсов, РФ способна внести исключительно весомый вклад в энергетическую безопасность СВА. При этом немаловажно, что одновременно реализация этих проектов способствует социально-экономическому развитию Восточной Сибири и Российского Дальнего Востока (РДВ). Особый интерес при этом вызывает российский природный газ, так как, по сравнению с углём и нефтью, его потребление вызывает меньше экологических проблем. Страны СВА заинтересованы в качественном улучшении энергетического баланса за счёт существенного увеличения объёмов экспорта российского газа.

В то же время, для понимания сложностей в налаживании энергетического сотрудничества в СВА, важно прояснить существенную разницу в подходах к понятию энергетической безопасности со стороны России (в первую очередь она сфокусирована на гарантированном обеспечении спроса на ресурсы) и тем, как рассматривают её Китай, Япония, РК и США (главное для них – гарантированное обеспечение поставок ресурсов). То есть, очевидно, что интересы России и остальных участников энергетического сотрудничества в СВА совпадают не во всём.

Уместно напомнить, что во время своего второго президентского срока (2004 – 2008), Владимир Путин сформулировал так называемую Новую Энергетическую Политику (НЭП). Среди её наиболее важных постулатов следует выделить такие, как: диверсификация рынка поставок энергетических ресурсов, сохранение Москвой суверенного контроля при принятии решений по вопросам добычи и транспортировки нефти и газа, регулирование доступа иностранных компаний к этим ресурсам. Наконец, с целью снижения воздействия периодических резких скачков цен на нефть и газ, в соответствии с НЭП Россия выражает готовность инвестировать в международные инфраструктурные проекты в энергетике только в том случае, если страны – импортёры согласятся подписать долговременные (на 20 – 30 лет) контракты по поставкам ресурсов.

Диверсификацию энергетических рынков планируется обеспечить за счёт существенного увеличения объёмов российского экспорта в Азию. Так, в июле 2006 г. В. Путин заявил, что в течение 15 лет доля Азии в российском энергетическом экспорте вырастет с нынешних 3% до 30%. Это означает, что к 2020 г. Россия должна быть способна ежегодно экспортировать в Азию не менее 60 млн. тонн нефти и 65 млрд. куб. метров газа [2]. Ряд российских экспертов считают, что для достижения столь амбициозной цели в стране отсутствует экономическая база. Они полагают, что к 2020 г. максимальная доля Азии в российском экспорте может составить 15%, и в этом случае к 2020 г. Россия будет ежегодно экспортировать в Азию порядка 40 млн. тонн нефти и 40 млрд. куб. метров газа

[1]. В странах региона растёт беспокойство по поводу того, что нехватка энергетических ресурсов ограничит его социально-экономическое развитие. Так, энергетической безопасности США угрожает совокупное воздействие целой группы негативных тенденций: – быстрый рост спроса на энергию (особенно в Китае, где ожидается, что к 2020 г. потребление нефти вырастет в два раза, а газа – в четыре раза), – высокая степень зависимости от нефти (Япония – 47%, РК – 46% от общего энергетического баланса страны) как от вида топлива в целом и от её поставок из региона Ближнего Востока в частности, – высокая зависимость Китая от угля (67% в общем энергетическом балансе) [5].

Далее рассмотрим страновые энергетические балансы и прогнозы на 2020-ый год. В Китае основным источником энергии в стране до 2020 г. останется уголь (но его доля упадёт с нынешних 67 до 60%), потребление нефти будет удерживаться на нынешнем уровне порядка 25% (в мире уже недостаточно приемлемых по цене возможностей для его наращивания), при этом ожидается существенный рост в энергетическом балансе доли природного газа (с 5% до 7-8%). Опережающими темпами будет развиваться и ядерная энергетика, хотя её доля в общем балансе будет оставаться небольшой.

В Японии в силу ряда объективных причин совокупный объём потребляемой энергии будет снижаться. Сегодня главную роль в энергетическом балансе страны играет нефть (47%), атомная энергия – 20%, уголь – 19%, газ – 12%. В перспективе нефть останется главным источником, но её доля будет постепенно падать. С учётом трагических последствий недавней аварии на АЭС «Фукусима» будет снижаться и доля атомной энергии в энергетическом балансе. В этой ситуации более чем вдвое возрастёт доля природного газа (до 28 – 30%).

Современный энергетический баланс РК близок с японским: нефть – те же 47%, уголь – 24%, газ – 13%, атомная энергия – 15%. Но есть и существенная разница в перспективах развития энергетики. В отличие от Японии, объём потребляемой энергии в РК в ближайшие 10-15 лет будет расти, но, безусловно, не такими высокими темпами, как в Китае. При этом он будет определяться главным образом наращиванием закупок сжиженного природного газа (СПГ) и ускоренным развитием атомной энергетики.

Из особенностей энергетического рынка США важно отметить следующие:

1. В нефтяной и газовой отраслях возрастает роль национальных государственных (а не частных) компаний, что постепенно подрывает бывшее доминирование таких гигантов как Exxon Mobil, BP, Total, Royal Dutch Shell, что, в свою очередь, сильно политизирует взаимоотношения участников рынка, которые выстраиваются с учётом стратегического характера межгосударственных связей. Такие страны как Китай, Индия, Япония, РК, Россия активно субсидируют деятельность своих государственных ТНК, которые вкладывают колоссальные финансовые ресурсы в приобретение и разработку новых газовых и нефтяных месторождений за границей. Таким путём эти государства страхуются от возможных рисков в области национальной энергетической безопасности.

2. Главной ударной силой в реализации подобных стратегий выступает Пекин, политика которого будет определять положение в энергетике в регионе на перспективу. Согласно прогнозам, уровень энергопотребления Китая к 2020 году в совокупных показателях стран США вырастет с нынешних 40% до порядка 50% (доля Японии сократится с 24% до 17%, а РК останется без изменений на уровне 8% – 9%).

При прямой поддержке Пекина за последние годы три ведущие китайские государственные компании (CNPC, Sinopec и CNOOC) сде-

ляли колоссальные вложения и подписали множество долговременных контрактов во всех регионах мира (около 200 проектов в 50 странах), направленных на экспорт нефти и газа, используя в том числе межправительственные займы, предоставленные китайскими государственными банками.

Для более оперативной реализации капиталоемких проектов по освоению новых газовых и нефтяных месторождений и строительству газо- и нефтепроводов страны региона готовы оказать РФ помощь, как финансовую (Китай, РК), так и технологическую (Япония, РК). Но на практике не всё так просто. Россия по различным причинам ограничивает участие иностранных компаний в нефте- и газодобыче на своей территории, при этом сама вкладывает не так много средств на развитие новых месторождений, в результате часть из них, как, например, гигантское Ковыктинское в Восточной Сибири, не развивается, что тормозит реализацию международных проектов. Как следствие, государства США направляют свой взор и более активно вкладывают средства в развитие новых месторождений в Центральной Азии, Австралии, Африке.

С точки зрения оказания влияния на ситуацию в США, особо следует отметить уже реализованные китайскими компаниями стратегические производственные и инфраструктурные проекты по налаживанию добычи и доставке в западный Китай крупных объемов нефти из Казахстана и газа из Туркменистана. Для Пекина они были приоритетом, учитывая географическую близость этих регионов. Поставки нефти из Казахстана не стали для Китая альтернативой российской нефти из Сибири, но сыграли свою роль в диверсификации поставок трубопроводной сырой нефти.

Что же касается поставок крупного объема трубопроводного газа из Туркменистана (40 млрд. куб м в год) с перспективой их наращивания, то реализация Китаем этого проекта подорвала монопольное положение Газпрома на газовом рынке Центральной Азии, позволила Пекину диверсифицировать импорт трубопроводного газа, а также усилить давление на Газпром в вопросе цены будущих поставок газа по проекту «Алтай».

Важную роль с точки зрения постепенного снижения цен на сжиженный газ сыграли недавние большие финансовые вложения ТНК стран США в разработку крупнейших газовых месторождений и строительство заводов по производству сжиженного газа в Австралии, Папуа Новой Гвинее, Индонезии, Малайзии и др. С недавнего времени китайские ТНК стали проявлять интерес и к разработке шельфового газа, например, в Канаде.

Необходимость этих и других финансовых вложений объясняется тем, что, согласно прогнозам, уже в 2015 г. Китай планирует импортировать 347 млн. тонн нефти (в 2009 г. было импортировано 203 млн. тонн нефти). Что касается газа, то потребности страны в этом виде топлива в 2020 г. составят порядка 300 млрд. куб.м, из которых не менее половины будет импортироваться. Порядка 100 млрд. в этом балансе может составить трубопроводный газ (из Центральной Азии – 60 – 65, России – 30, Мьянмы – 10), а 50 млрд. – сжиженный газ из целого ряда государств, включая Россию.

В настоящее время у Газпрома достаточно месторождений в Восточной Сибири (даже без ресурсов замороженного Ковыктинского месторождения), чтобы с середины этого десятилетия ежегодно поставлять Китаю 30 млрд. куб.м. трубопроводного газа. Однако трудно решается вопрос с ценой, так как Пекин играет на понижение, не желая платить за российский газ по европейским ценам, привязанным к цене на нефть, а в качестве альтернативы рассматривает возможность нарастить объемы

поставок трубопроводного газа из Средней Азии с 40 до 65 млрд. куб.м. [4]. Кроме того, существует вероятность постепенного роста объёмов добычи шельфового газа в самом Китае, как это уже произошло в США, что также может влиять на снижение цены на газ.

Теперь рассмотрим роль, которую играют в энергетической безопасности США Япония и РК. Япония на 100% зависима от импорта газа, нефти и угля, и для обеспечения зарубежных поставок этих ресурсов достаточно давно использует крупные государственные компании, в первую очередь, Japan National Oil Company (JNOC) и the Japan Oil, Gas, and Metals National Corporation (JOGMEC). В последние годы японские компании неоднократно вступали в прямую конкуренцию с китайскими ТНК, и, как правило, уступали последним. Действуя в финансовом плане более агрессивно, китайские ТНК переиграли японцев в приобретении прав на разработку крупного нефтяного месторождения в Иране (Azadegan), а также получили приоритет в использовании нефти по российскому проекту ВСТО. Острота проблем энергетической безопасности региона обусловлена также территориальным спором между Китаем и Японией за острова в Восточно-Китайском море (Senkaku / Diaoyu islands). Недалеко от этих островов на шельфе ВКМ Китай ведёт разработку небольшого месторождения газа (Chunxiao field), однако, по мнению Токио, этот район входит в эксклюзивную экономическую зону Японии. В результате в этом районе имели место столкновения между японскими гидрографическими судами и катерами китайских ВМФ, а межгосударственные переговоры по выработке механизма совместной разработки месторождений в этом районе пока ни к чему не привели.

Токио более успешен в обеспечении контроля над поставками СПГ. Японские частные компании Мицубиси, Марубени и Мицуи по сути изобрели и внедрили этот бизнес в 70-е годы, и с тех пор являются основными игроками на рынке СПГ по всему АТР, а также в Персидском заливе.

При оценке недавних событий на АЭС «Фукусима» важны два принципиальных обстоятельства. Во-первых, японское правительство признало, что ядерная инфраструктура страны не была рассчитана на крупные стихийные бедствия, и заявило о необходимости фундаментального пересмотра стандартов ядерной безопасности, в том числе было принято решение о создании в стране независимого агентства по ядерной энергетике, так как существующие органы не смогли оперативно отреагировать на тяжёлую аварию на АЭС.

Во-вторых, эти события привели к снижению интереса к дальнейшему развитию атомной энергетики, как в Японии, так и в ряде других государств. Наиболее перспективным источником на замену выпадающей доли атомной энергии в энергетическом балансе выглядит СПГ, который стал вполне приемлемым по цене. Япония уже обеспечила себе крупные объёмы зарубежных поставок СПГ из различных регионов мира, и будет и дальше наращивать его долю в энергетическом балансе.

Энергетические дилеммы РК, которая на 100% зависима от импорта нефти и газа, схожи с Японией, и, соответственно, подходы корейцев к обеспечению энергетической безопасности также напоминают японские. Задача обеспечения импорта нефти и газа возложена на две ведущие государственные компании Korea National Oil Company (KNOC) и Korean Gas Company (KOGAS). Обе компании покупают права на разработку и добычу нефти и газа по всему миру. При этом корейские государственные компании менее конкурентоспособны в борьбе за иностранные сырьевые ресурсы по сравнению с китайскими государственными ТНК, так как: во-первых, объёмы их государственного финансирования более

ограничены (хотя Сеул аккумулировал специальный правительственный счёт для финансирования подобных энергетических проектов за рубежом – Energy Project Special Account), а во вторых, они должны обеспечить рыночную прибыль от реализации этих проектов, в то время как для китайских ТНК главной целью часто является обеспечение доступа к большему объёму энергетических ресурсов.

KOGAS является крупнейшим импортёром СПГ в мире (в 2009 г. им было приобретено 24 млн. тонн). В настоящее время эта корейская ТНК имеет 15 долго- и среднесрочных контактов в 10 странах мира countries (ведущим поставщиком является Катар с объёмом в 7 млн. тонн в год).

Что касается США, то, как известно, в этой стране нет национальных государственных компаний в нефтяной и газовой сфере. В результате США строят свою стратегию энергетической безопасности на основе принципов обеспечения свободного доступа к энергетическим ресурсам на основе рыночной конкуренции. В этом контексте американское правительство и законодатели рассматривают субсидируемую государством энергетическую политику Пекина как угрозу для обеспечения свободного доступа к энергоресурсам для других основных импортёров, что ведёт к политизации процессов обеспечения энергетической безопасности, в том числе в США.

Кроме того, необходимо отметить одну важную тенденцию: с 2006 г. в США начался резкий рост добычи газа за счёт бумажной добычи на сланцевых месторождениях. В результате США сократили импорт газа (и даже начали заниматься реэкспортом), а топливо из Африки, с Ближнего Востока и из Азии было перенаправлено в Европу.

Далее переходим к оценке роли России в обеспечении энергетической безопасности США. С 2007 г. две государственные компании (Газпром и Роснефть) получили эксклюзивное право на добычу газа и нефти на континентальном шельфе России. В результате этого решения, как иностранные, так и российские частные компании потеряли право стать основными участниками этих проектов, и в перспективе единственной возможностью для них участвовать в подобных проектах станет получение приглашения от Газпрома или Роснефти по совместной разработке шельфовых ресурсов.

РДВ является критически важным регионом для расширения инвестиционной программы Газпрома. Первые экспортные поставки российского газа с Дальнего Востока начались в 2009 г., когда Газпром начал продавать СПГ в Японию и РК в рамках проекта Сахалин-2. Общий объём добычи газа на Сахалине в 2011 г. достиг 25,5 млрд. куб. метров (рост на 0,8 млрд. куб. метров по сравнению с 2010 г.), при этом доля проекта Сахалин-1 в этом объёме составила 9,1 млрд. куб. метров, а Сахалин-2 – 15,4 млрд. куб. метров.

В 2011 г. Газпром завершил строительство первой очереди магистрального газопровода «Сахалин – Хабаровск – Владивосток». Основная задача проекта – обеспечить газоснабжение Хабаровского края, Сахалинской области и Приморья, в том числе к саммиту АТЭС 2012 года. Кроме того, с помощью газопровода Россия планирует поставлять топливо с Сахалина в страны АТР, и в этой связи следующим шагом Газпрома станет строительство в районе Владивостоке завода по производству СПГ. «Сахалин-Хабаровск-Владивосток» является одним из крупнейших проектов «Газпрома». После завершения всех работ протяжённость трубопровода составит более 1800 километров, а его пропускная способность – 30 миллиардов кубометров газа в год. Мощность открытой в сентябре первой очереди достигает шести миллиардов кубометров газа в год.

В ближайшей перспективе для обеспечения своих российских и зарубежных потребителей Газпром принял решение в качестве основного

источника сырья использовать газ, который будет добываться в рамках проекта Сахалин-3. Последний состоит из четырёх крупных газовых и нефтяных месторождений, совокупные подтверждённые запасы которых составляют 700 млн. тонн нефти и 1.3 трлн. куб. метров газа. Для сравнения, совокупные запасы нефти и газа с месторождений, входящих в проекты Сахалин-1 и Сахалин-2, составляют порядка 450 млн. тонн нефти и одного трлн. куб. метров газа. Выбор Газпромом проекта Сахалин-3 в качестве основного направления инвестиционных ресурсов и производственных усилий подчёркивает приоритетность для компании Сахалинских проектов в целом, при этом добыча газа с Ковыктинского месторождения рассматривается только в качестве долгосрочной цели.

Современные перспективы крупномасштабных американских и японских инвестиций в развитие РДВ не велики. Особенно слабо используется потенциал сотрудничества между РДВ и США, и, по сути, единственным примером крупных американских инвестиций в этом регионе является участие американской ТНК Экссон Мобил в проекте Сахалин-1. Однако между представителями Экссон и российской стороной возникли противоречия по поводу того, кому должны в первую очередь поставляться добываемые ресурсы. В результате американское бизнес-сообщество настороженно наблюдает за развитием событий в проекте, и каких-то новых крупных инициатив в этой сфере не ожидается.

Следует отметить, что Япония сохраняет интерес к проектам добычи и переработки нефти и газа в нашей стране. Так, компания JOGMEC приобрела права на исследование и разработку нефти в Восточной Сибири, а японские ТНК Мицубиси и Мицуи активно работают в формате проекта Сахалин-2. Японские компании подписали соглашения с российской стороной, в соответствии с которыми в течение 23 лет 98% производимого на Сахалинском заводе СПГ будет поставляться в Японию.

Что касается РК, то она имеет твёрдые планы увеличить импорт нефти и газа из РФ в интересах диверсификации поставок энергоресурсов. С 2010 г. начались поставки в РК восточносибирской нефти через новый нефтепорт Козьмино. Корейская национальная нефтяная компания ведёт разведку на камчатском шельфе, планируя начать добычу нефти в 2012 г.

Демонстрируя действительное желание добиваться поставленных целей, в июне 2009 г. KOGAS создал в дальневосточном Хабаровске компанию KOGAS Vostok. Её главной задачей является поиск деловых партнёров на РДВ (Приморский край, Хабаровский край, Сахалинская область, Республика Саха-Якутия) для реализации совместных проектов со своей материнской компанией – KOGAS.

В соответствии с долгосрочными контрактами, подписанными по состоянию на 2010-й год, Россия занимает 6% газового импорта РК (в 2005 г. KOGAS подписал долгосрочный контракт на покупку 1,5 млн. тонн СПГ в год, производимого в рамках проекта Сахалин-2). Но при благоприятном развитии событий к 2017 г. объём российского газового экспорта в РК может достичь 7,5 млн. тонн. В этом случае Россия станет самым крупным поставщиком газа в Корею, доля которого в общем объёме газового импорта РК может вырасти до 30%.

Основным центром роста поставок российского газа в РК станет Приморский край и город Владивосток. Теоретически существует несколько моделей доставки российского газа из Владивостока к потребителям в РК, в том числе: природного газа по трубопроводу (через территорию КНДР или по дну Японского моря) или СПГ судами-газовозами. Строительство подводного газопровода не оправдано с экономической точки зрения. Много лет проект поставки природного газа через территорию КНДР обсуждался, но был не возможен по политическим причи-

нам, однако визит лидера КНДР Ким Чен Ира во Владивосток в августе 2011 г. изменил диспозицию по этому вопросу.

В ходе переговоров северокорейский лидер выразил готовность без выдвижения предварительных условий вернуться к формату Шестисторонних переговоров по безопасности Корейского полуострова, и в процессе дальнейших переговоров объявить мораторий на ядерные испытания и производство материалов для разработки ядерного оружия. С учётом этих обязательств руководителями двух стран было принято принципиальное решение по разработке проекта строительства газопровода из Приморского края через территорию КНДР в Республику Корея. В течение нескольких недель после переговоров лидеров РФ и КНДР президент Газпрома Миллер провёл встречу с министром нефти КНДР Ким Хи Еном, по итогам которой был подписан меморандум о взаимопонимании между «Газпромом» и северокорейским министерством. Кроме того, стороны договорились создать совместную рабочую группу для реализации проекта. Одновременно президент Газпром Миллер и руководитель Kogas Чжу Кан Су подписали дорожную карту по проекту поставок газа в Южную Корею, объёмы которых должны составить на первом этапе порядка 10 млрд. куб. метров газа в год. Общая длина газопровода должна составить около 1100 км, из них 700 км пройдёт по территории КНДР.

Разумеется, перспективы практической реализации этого масштабного трёхстороннего проекта не очевидны, что вызвано рядом политических, технических и прочих проблем. Так, в Сеуле полагают, что при современном низком уровне отношений между КНДР и РК это не возможно, и что газопровод не будет построен до тех пор, пока Северная Корея сама не попросит об этом Южную Корею, при этом руководство Kogas больше склоняется к участию в новом проекте по строительству завода для прямых поставок СПГ из РФ в РК, минуя КНДР. Некоторых, например, США, не устраивает механизм компенсации, которую Пхеньян будет получать за газовый транзит. Дело в том, что в КНДР нет газораспределительной системы для доставки газа потребителям. Поэтому Пхеньян планирует получать плату за транзит в денежном выражении, но в этом случае сохраняется опасность того, что деньги будут использованы на дальнейшую разработку ядерного оружия. Недавняя смерть Ким Чен-ира и переход власти к его сыну Ким Чен-уну также не добавляют ясности в этом вопросе.

С учётом этих и других обстоятельств (например, того, что транспортировка СПГ из Владивостока в порты РК займёт менее двух суток), автор считает, что в качестве приоритетного (но не исключającego предыдущий) варианта следует по-прежнему рассматривать долговременные финансовые и технологические инвестиции Газпрома, а также его иностранных партнёров (РК или Японии) в строительство нового современного завода по производству СПГ под Владивостоком.

Тем не менее, следует констатировать, что в силу объективного действия целого ряда геополитических факторов (географии, политики, экономики, демографии и др.), в энергетической сфере только Китай может рассматриваться в качестве основного партнёра России в СВА. Спрос на энергетические ресурсы в КНР растёт очень быстро, и уже в 2010 г. эта страна превзошла США по объёму потреблённой энергии. Таким образом, активное освоение китайского энергетического рынка является ключевым аспектом для достижения Россией целей своей энергетической стратегии.

Российско-китайское сотрудничество базируется на твёрдой межправительственной основе (Российско-китайское стратегическое партнёрство) и развитых деловых контактах (заключена целая серия двусторонних соглашений между Газпромом и Роснефтью с российской стороны,

и таким крупнейшими ТНК, как CNPC, Sinorec и другими, с китайской стороны). Однако в этих двусторонних отношениях существует критическая проблема, так как при покупке российских ресурсов Пекин требует существенной скидки. В результате в выстраивании энергетической политики Москва не может принять такой сценарий, при котором Китай станет монопольным покупателем российских энергетических ресурсов в СВА, хотя эта страна, безусловно, является самым крупным рынком сбыта для России.

Согласно договору, подписанному в 2009 г., Китай предоставил кредиты «Роснефти» и «Транснефти» на общую сумму в \$25 млрд., а российские компании обязались поставлять китайской государственной нефтяной компании CNPC по 15 млн. т нефти ежегодно в течение 20 лет. Формула цены на поставляемую в КНР нефть была привязана к её рыночным котировкам в порту Козьмино. Сюда включался и тариф на прокачку нефти по ВСТО: он установлен правительством РФ в размере 1815 руб. за тонну. Но поскольку путь до китайской границы существенно ближе, чем до дальневосточного побережья, китайцы просили сделать им скидку. «Транснефть» отказалась, и тогда CNPC в одностороннем порядке уменьшила суммы, перечисляемые за российскую нефть. Образовался долг в \$250 млн, который российские компании готовы были отстаивать в Лондонском арбитраже. Но Китай всё же начал погашать задолженность, а российская сторона согласилась на некоторые уступки по величине транспортного тарифа.

С газом всё сложнее. Ещё в 2004 г. Россия предложила построить два газопровода в Китай (система Алтай): слева и справа от Монголии. Западный маршрут может быть проложен и пущен в эксплуатацию уже к 2015 году. В «Газпроме» уверены, что сырьевая база для этой трубы мощностью 30 млрд. кубометров в год в наличии. Это месторождения Западной Сибири, на газ которых ранее претендовала только Европа (не считая внутренних потребителей). В 2010 г. стороны согласовали основные положения 30-летнего контракта на поставку российского газа, однако в ходе визита в Россию Председателя КНР Ху Цзиньтао в июне 2011 г. из-за разногласий по цене он так и не был подписан. Не ясны пока и некоторые другие вопросы, например, в какой последовательности будут строиться газопроводы. Так, вице-премьер РФ И. Сечин настаивал на том, что западный маршрут будет реализован первым. В то же время министр энергетики Китая Лю Тенань полагал, что восточное и западное направление должны развиваться параллельно, то есть китайская сторона выступает за ускоренную реализацию обоих проектов.

Для оценки энергетической безопасности СВА и будущего вклада России в её решение необходимо проанализировать финансовые обязательства, взятые на себя российским правительством в последние годы в сфере добычи и экспорта нефти и газа, и попытаться оценить достаточно ли у Роснефти, Транснефти и Газпрома технических и других ресурсов для выполнения этой амбициозной долговременной программы. В октябре 2010 г. Премьер-министр РФ В. Путин принял участие в работе двух важных совещаний, посвящённых обсуждению планов развития российской нефтяной и газовой индустрии. По поводу Генерального плана развития нефтяной отрасли до 2020 г. он заявил, что в течение следующих 10 лет Россия будет поддерживать ежегодную добычу нефти на её нынешнем уровне порядка 500 млн. тонн¹. То есть увеличение добычи перспективным планом не планируется. Тем не менее, чтобы удержать достигнутый уровень, в течение следующих 10 лет Москве необходимо инвестировать в нефтяную отрасль порядка 8,6 трлн. рублей (действую-

¹ В 2010 г. Россия добыла 505 млн. тонн нефти, из которой 242 млн. тонн было экспортировано.

щие нефтяные месторождения страны выработаны на 50%, а для новых месторождений в основном характерны технически трудные и дорогостоящие условия добычи).

На другом совещании, посвящённом обсуждению Генерального плана российской газовой отрасли до 20130 г., В. Путин подтвердил, что в обозримом будущем природный газ не имеет альтернативы как основной источник энергии. С учётом этого в ближайшие 20 лет Россия увеличит годовую добычу газа с 650 млрд. кубометров, добытых в 2010 г., до одного трлн. кубометров (примерно половина этого огромного объёма будет экспортироваться).

Для достижения этой стратегической цели новые районы газодобычи будут освоены на Ямале, в Восточной Сибири и на континентальном шельфе, будут построены более 25 тысячи километров новых газопроводов, а компании, производящие СПГ, получают налоговые льготы. Доля частных компаний в производстве газа должна вырасти с нынешних 20% до 30%, и это важно, так как государственный гигант Газпром является не самым эффективным производителем. Наконец, оценивая перспективы газовой отрасли, следует отметить, что российский природный газ является практически неисчерпаемым источником энергии (общие объёмы газовых ресурсов в стране оцениваются на уровне 165 трлн. кубометров).

Китай в силу быстро растущих объёмов энергопотребления является и останется в будущем ключевым фактором, определяющим энергетическую безопасность США. Высокая энергетическая уязвимость Китая обусловлена многими причинами, в том числе критической зависимостью от нефти, импортируемой из стран Ближнего Востока. При этом недавние интервенции США дестабилизировали обстановку в этом регионе, что позволяет полагать, что мировые цены на нефть будут ещё длительное время оставаться высокими.

Россия способна довести ежегодные поставки нефти в Китай к 2020 г. до 30 – 35 млн. тонн, но её возможности в будущем качественно изменить ситуацию в этой сфере ограничены (в Восточной Сибири не осталось новых крупных месторождений легко доступной нефти, дальнейшее существенное наращивание объёмов нефтедобычи потребует несоразмерно больших финансовых ресурсов и производственных усилий).

К 2035 году мировое потребление газа вырастет более чем на 50 процентов по сравнению с 2010 годом и составит более 5 триллионов кубометров. Через четверть века Китай будет потреблять столько газа, сколько весь Евросоюз в 2010 году. Чтобы удовлетворить этот спрос, мировая добыча газа должна вырасти на 1,8 триллиона кубометров – это в три раза больше, чем добывалось в России в прошлом году. При этом «плановая» задержка Газпрома с освоением Ковыктинского месторождения снижает возможности по наращиванию объёмов экспорта российского газа в страны США, то есть речь идёт, как минимум, об упущенной экономической выгоде, а, как максимум, о возможных проблемах с достижением РФ долговременных целей по экспорту газа. В 2011 добыча газа Газпромом составила 520 миллиардов кубометров (в целом по России – 671 млрд. куб. метров), а на 2014 год она запланирована для Газпрома в объёме 570 миллиардов кубометров, а в целом по отрасли – 741 млрд. куб. метров [3]. Основной приоритет, как ожидает Минэкономразвития, обеспечат независимые производители газа.

При этом для обеспечения к 2014 г. даже таких умеренных темпов роста уже в 2012 году Газпрому нужно вводить в эксплуатацию месторождения на Ямале, что пока не очевидно. Но даже достижение этих плановых цифр можно рассматривать как медленный рост.

Следует учитывать, что во многих регионах мира за последние годы обнаружены стратегические по объёмам запасы газа, и уже подписаны договоры на поставки колоссальных объёмов СПГ в Китай, Японию и другие страны СВА. То есть конкуренция в этой сфере очень велика. Характеризуя ключевое для энергетической безопасности СВА российско-китайское энергетическое партнёрство, следует отметить, что оно опирается на устойчивую межправительственную и деловую основу. При этом Китай принял и не без выгоды для себя играет по правилам, предложенным российской НЭП. В первую очередь, речь идёт о готовности заключать долговременные контракты с иностранными партнёрами по условиям разработки и добычи российских энергетических ресурсов. За последние несколько лет Китай либо уже подписал, либо достиг принципиального соглашения с Россией по нефти, углю и газу, используя одну и ту же модель – путём предложения очень крупных финансовых кредитов в качестве гарантии будущих долговременных поставок крупных объёмов энергетических ресурсов. Во-первых, в 2009 г. Китай предоставил Роснефти и Транснефти кредит на \$25 млрд., и получил гарантии поставок российской нефти на 20 лет. Во-вторых, в 2010 г. Китай предоставил России кредит в объёме \$6 млрд. в качестве гарантии долговременных поставок угля. Наконец, в финальной стадии находится согласование многомиллиардной сделки между Газпромом и CNPC, на основе которой будут осуществляться поставки в Китай российского газа.

В результате такого положения дел в переговорах с Москвой о ценах на российские ресурсы Пекин может занять положение почти монопольного покупателя. Чтобы избежать этого, Москва должна иметь возможность продавать существенную часть энергоресурсов в Японию, РК, США и другие страны. В этом контексте опора на многосторонний подход в выстраивании энергетического сотрудничества в СВА имеет для России очевидные преимущества. Вот почему Россия вошла в число стран-основателей Межправительственного механизма взаимодействия по энергетическому сотрудничеству (Intergovernmental Collaborative Mechanism on Energy Cooperation) в СВА. К сожалению, пока работа этого межправительственного механизма не принесла существенных результатов в силу, как его ограниченных ресурсов, так и недостаточного вклада со стороны стран-участниц, во взаимоотношениях между которыми, прежде всего, между Китаем с одной стороны, и США и Японией с другой стороны, возникают политические проблемы.

Оценивая возможности двустороннего формата отношений между странами СВА, автор полагает, что в перспективе российско-кореysкое взаимодействие в энергетической сфере является наиболее многообещающим и необходимым дополнением (но, конечно, не альтернативой) к объективно доминирующему российско-китайскому энергетическому сотрудничеству. Что касается Японии, то у России нет свободных ресурсов для быстрого восполнения дефицита энергии, возникшей в связи с аварией на АЭС «Фукусима-1». В перспективе же доля этой страны в общем балансе потребляемой энергии в СВА будет только падать.

Принимая во внимание, что успешная реализация так называемой «восточной газовой программы» до 2030 года стала приоритетной геополитической задачей для руководства России, автор полагает, что при благоприятных политических и экономических условиях существенное увеличение объёмов добычи газа на РДВ и в Восточной Сибири и его экспорта в СВА вполне возможно, что станет критически важным вкладом России в обеспечение энергетической безопасности региона.

В то же время надо трезво оценивать возможные риски и ограничения, которые могут замедлить достижение этой стратегической цели, например, такие как:

- ♦ резкое падение мировых цен на нефть и газ, что может ограничить возможности правительства РФ финансировать эту программу в целом, и субсидировать её реализацию Газпромом и Роснефтью в частности;

- ♦ недостаточные технические и производственные возможности Газпрома по освоению новых газовых месторождений и строительству газотранспортной системы внутри страны и за её пределами в условиях «географического и монопольного перенапряжения», возникающего из-за реализации, в основном, собственными силами столь большого числа проектов в различных странах мира и в России;

- ♦ предложение иностранными ТНК, быстро осваивающими новые месторождения в других регионах мира (Индонезия, Австралия и др.), более выгодных для стран СВА условий поставки газа, в первую очередь, СПГ;

- ♦ дальнейшее откладывание подписания официальных соглашений Газпрома с CNPC и KOGAS по условиям поставок российского газа.

Длительные задержки поставок российского трубопроводного газа в Китай не позволяют последнему реализовать свой важнейший приоритет – увеличение объёмов и доли потребляемого газа в энергетическом балансе страны. Это жизненно необходимо для снижения доли угля в этом балансе, что позитивно скажется на улучшении экологической ситуации в стране и СВА в целом. Неудовлетворённость Пекина сложившимся положением ведёт к тому, что он будет прилагать усилия для замещения этих объёмов либо за счёт трубопроводного газа из Центральной Азии, либо СПГ из стран АТР.

Реализация крупномасштабных газовых проектов в восточной части РФ с выходом в страны СВА является колоссальным вызовом для Газпрома. Для повышения возможностей по их реализации с учётом европейского опыта ему необходимо установить более тесные связи с иностранными ТНК, что позволит объединить производственные возможности, разделить общую экономическую ответственность и финансовое бремя, задействовать самые новые технологии и т.д.

Наиболее перспективными кандидатами для установления Газпромом более тесных партнёрских отношений в СВА автор считает китайскую CNPC и корейскую KOGAS. Перед Газпромом стоит грандиозная задача – построить новую газотранспортную систему от якутских газовых месторождений (Чаяндинское и ряд других) до Хабаровска, где она будет соединена с газопроводом Сахалин – Хабаровск – Владивосток, формируя восточный маршрут системы «Алтай». Расходы на это строительство в млрд. долларов будут выражаться двузначной цифрой, и ограниченный в собственных финансовых средствах Газпром будет вынужден занять эти деньги либо у Правительства РФ, либо на международном финансовом рынке. В то же время подключение к этому проекту китайских и корейских ТНК в качестве не только потребителей газа, но и прямых финансовых инвесторов могло бы облегчить решение многих проблем по его реализации. Подобный подход мог бы стать первым примером многостороннего сотрудничества в области энергетики СВА, о необходимости которого уже многие годы говорят эксперты.

Ещё одна возможность многостороннего сотрудничества в СВА в этой сфере – реализация в рамках всем известного «Тумангана» (ныне – «Большая Туманганская Инициатива» – БТИ) проекта строительства на китайской территории хранилища стратегических запасов нефти. Его ведущими участниками могли бы выступить Китай, Россия и РК. Реали-

зация этого взаимовыгодного проекта могла бы задать новый импульс для развития БТИ, а также повысить экономическую роль России в регионе.

В целом, значимость вышеупомянутых проектов многостороннего сотрудничества очевидна, так как они способствуют росту доверия между странами и служат важнейшей цели укрепления энергетической безопасности СВА.

Литература

1. Милов В. Отчёт о встрече членов международного дискуссионного клуба «Валдай» с российскими экспертами 06 сентября 2006, Ханты-Мансийск. URL: <http://www.lenta.ru>
2. Путин В. Отчёт о третьей встрече Президента РФ В. Путина с членами международного дискуссионного клуба «Валдай» 09 сентября 2006, Москва. URL: <http://www.kremlin.ru>.
3. Россия вновь уступила США лидерство на мировом газовом рынке. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lenta.ru> [Дата обращения 09.06.2011г.]
4. Туркмения повысит экспорт газа в Китай до 65 млрд кубометров в год – Reuters, 23.11.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lenta.ru> [Дата обращения 23.11.2011г.]
5. Baseline Study for Energy Cooperation in Northeast Asia. 2007, Seoul: Korea Energy Economic Institute
6. Sevastianov S. Business and Investments Opportunities in Northeast Asia and Greater Tumen Region: Russian Perspective. Proceedings of the Investments Forum “Greater Tumen Initiative – Gateway to Northeast Asia”. Vladivostok, RF (pp. 1-3). 2007, Beijing: Tumen Secretariat.